

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE MEASURES OF CRIME COUNTERACTION

УДК 343.7, 347.2/3

DOI 10.17150/2500-4255.2018.12(4).572-582

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО ПРАВА В СФЕРЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТЕРПЕВШЕГО ПО ДЕЛАМ О КРАЖЕ И МОШЕННИЧЕСТВЕ

Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова

Московский государственный юридический университет им. О. Е. Кутафина (МГЮА),
г. Москва, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

1 апреля 2018 г.

Дата принятия в печать

15 августа 2018 г.

Дата онлайн-размещения

14 сентября 2018 г.

Ключевые слова

Уголовное право; гражданское право; направления взаимодействия; способы защиты; кража; мошенничество; специальные составы; категории гражданского права; виндикация; возмещение убытков

Аннотация. Одной из тенденций современного права является взаимодействие его отраслей, поскольку правонарушение затрагивает комплекс прав и интересов потерпевшего, которые не могут ограничиваться лишь одной сферой правового регулирования отношений. Данная тенденция находит свое отражение, в частности, во взаимодействии гражданского и уголовного права. На это обстоятельство неоднократно обращали свое внимание известные российские ученые-правоведы. Указанное направление также представлено и в судебной практике, например в постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» от 30 ноября 2017 г. № 48. Проявление этой тенденции выражается в использовании гражданско-правовых категорий и критериев в общих и специальных составах таких преступлений, как кража (ст. 158 УК РФ) и мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ), а также в применении виндикации и возмещения убытков для защиты прав лиц, потерпевших от совершения данных видов преступлений. Гражданско-правовая защита прав потерпевшего по делам о краже и мошенничестве (применение таких способов защиты, как виндикация и возмещение убытков) сталкивается с неоднозначной позицией судов в силу спорных и не решенных в доктрине о способах защиты прав вопросов. В настоящей статье анализируются данные проблемы, представлены направления их решения. Преодоление теоретических и практических проблем взаимодействия гражданского и уголовного права имеет важное значение, поскольку является необходимым условием эффективного функционирования всей правоохранительной системы в целом при реализации различных форм и способов защиты прав субъектов.

INTERACTION BETWEEN CIVIL LAW AND CRIMINAL LAW IN THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF THEFT AND FRAUD VICTIMS

Liudmila Yu. Vasilevskaya, Ekaterina B. Poduzova

Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, the Russian Federation

Article info

Received

2018 April 1

Accepted

2018 August 15

Available online

2018 September 14

Keywords

Criminal law; civil law; areas of interaction; method of protection; theft; fraud; specific offenses; civil law categories; vindication; compensation for losses

Abstract. One of the trends in contemporary law is the interaction between its branches because an offense infringes upon a number of rights and interests of the victim that cannot be reduced to a single sphere of legally regulated relationships. This trend is reflected, specifically, in the interaction between civil and criminal law, which has attracted the attention of well-known Russian legal scholars many times. The trend is also observed in court practice, for example, in the Decree of the Plenary Session of the Supreme Court of the Russian Federation «On Court Practice Re. Cases of Fraud, Misappropriation and Embezzlement» of November 30, 2017, No 48. It is also manifested in the use of civil law categories and criteria for the general and specific components of crimes like theft (Art. 158 of CC of the RF) and fraud (Art. 159–159.6 of the CC of the RF), as well as in the use of vindication and compensation of losses to protect the rights of victims of such crimes. Civil law defense of the rights of victims of theft and fraud (the use of such methods of protection as vindication and compensation of losses) encounters the ambiguous position of courts because the doctrine incorporates disputable and unsettled issues regarding the methods of protecting rights. This paper analyzes such problems and presents some ways of solving them. Overcoming the theoretical and

practical problems of interaction between civil and criminal law is of vital importance because it is a vital precondition for the efficient functioning of the law enforcement system as a whole when implementing various forms and methods of protecting the rights of people.

Нарушение прав субъекта затрагивает весь комплекс его интересов, которые не могут ограничиваться лишь одной сферой правового регулирования отношений. При совершении преступления для эффективной защиты прав потерпевшей стороны, максимально возможного их восстановления необходимо использовать комплексную систему правовых средств защиты различной отраслевой принадлежности. Эффективным комплексом защитных правовых средств является системное применение гражданско-правовых и уголовных способов защиты прав.

Одной из тенденций современного российского права становится взаимодействие его отраслей. Необходимо отметить, что само деление права на отрасли характерно для романо-германской правовой семьи [1, р. 18], многие элементы которой были имплементированы в российскую правовую систему [2, р. 15–44]. Наиболее ярко данная тенденция прослеживается во взаимодействии гражданского и уголовного права [3, с. 45–46] и выражается в двух взаимосвязанных аспектах:

– использование гражданско-правовых категорий и критериев в таких составах преступлений, как кража (ст. 158 УК РФ) и мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ);

– применение виндикации и возмещения убытков для защиты прав лиц, потерпевших от совершения данных видов преступлений.

В самой формулировке состава преступления «кража» представлен вещный элемент: кража — тайное хищение чужого имущества, т. е. изначально предполагается юридическая или фактическая принадлежность имущества другому лицу (правовой титул либо давностное владение (ст. 234 ГК РФ)).

В квалифицированных составах этого преступления (ч. 2, пп. «б», «в», ч. 3, п. «а», ст. 158 УК РФ), помимо ряда социальных элементов [4, р. 787–791] и факторов [5, р. 940], используются гражданско-правовые категории — «помещение» и «хранилище». В примеч. 3 к этой статье помещение и хранилище определяются в контексте объектов гражданских прав и вещных прав (ст. 128 ГК РФ, разд. II ГК РФ). Так, под помещением понимаются строения и сооружения независимо от форм собственности, предназна-

ченные для временного нахождения людей или размещения материальных ценностей в производственных или иных служебных целях. Хранилище трактуется как хозяйственные помещения, обособленные от жилых построек, участки территории, трубопроводы, иные сооружения независимо от форм собственности, которые предназначены для постоянного или временного хранения материальных ценностей.

Исходя из понимания хищения как совершенного с корыстной целью противоправного безвозмездного изъятия и (или) обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц (примеч. 1 к ст. 158 УК РФ) предметом кражи выступают те разновидности имущества, которые имеют материальную форму [6, р. 17]. Свойства материальности определенных объектов гражданских прав указаны в Гражданском кодексе РФ: ст. 130, 134–137 ГК РФ (вещи), ст. 140 ГК РФ (наличные денежные средства), ст. 143.1–148.1 ГК РФ (документарные ценные бумаги). Именно предметный критерий использован судебной практикой для отграничения кражи от иных составов преступлений в сфере экономики¹.

Понимание хищения, а также определение понятий «значительный ущерб» и «крупный размер» указывают на стоимостной признак предмета хищения. Данный признак взаимосвязан с гражданско-правовой категорией имущественных отношений (ст. 2 ГК РФ), убытков (ст. 15, 393 ГК РФ), виндикации (ст. 301–303 ГК РФ) и встречного предоставления (ст. 423 ГК РФ).

Для отграничения состава преступления, предусмотренного ст. 158 ГК РФ, от иных специальных составов (ст. 221 УК РФ — хищение либо вымогательство ядерных материалов или радиоактивных веществ, ст. 226 УК РФ — хищение либо вымогательство оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, ст. 229 УК РФ — хищение либо вымогательство наркотических средств или психотропных веществ, а также растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические

¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48 // СПС «КонсультантПлюс».

средства или психотропные вещества, ст. 325 УК РФ — похищение или повреждение документов, штампов, печатей либо похищение акцизных марок, специальных марок или знаков соответствия) используется критерий оборотоспособности объектов гражданских прав (ст. 129 ГК РФ²). Необоротоспособные объекты гражданских прав выступают предметом специальных составов преступлений.

Для выявления конститутивных признаков составов мошеннических преступлений также используются гражданско-правовые категории. Так, в ст. 159 УК РФ в качестве предмета мошенничества, помимо чужого имущества, выступает право на чужое имущество. Категория имущественных прав широко представлена в Гражданском кодексе РФ. Среди имущественных прав, применяя комплексный критерий (тип правоотношения — относительное или абсолютное, а также правовую природу субъективного гражданского права), можно выделить три группы: обязательственные права (требования), включая безналичные денежные средства и бездокументарные ценные бумаги (ст. 128, 140, 149–149.5, гл. 24 ГК РФ), вещные права (разд. II ГК РФ), исключительные права (ст. 1229, 1233–1240, 1270, 1324 и др. ГК РФ).

В формулировке квалифицированных составов мошенничества (ч. 2–7 ст. 159 УК РФ) используются гражданско-правовые категории стоимости и имущественного ущерба (примеч. 1–3 к ст. 159 УК РФ), а также права гражданина на жилое помещение, под которым судебная практика понимает право собственности, иное вещное право или правовой титул³.

Кроме того, в ст. 159 УК РФ применяются понятия договорного обязательства и предпринимательской деятельности. По справедливому указанию судебной практики под преднамеренным неисполнением договорных обязательств в сфере предпринимательской деятельности следует понимать умышленное полное или частичное неисполнение лицом, являющимся стороной договора, принятого на себя обязательства в целях хищения чужого имущества или приобретения права на такое имущество путем обмана

или злоупотребления доверием, когда сторонами договора являются индивидуальные предприниматели и (или) коммерческие организации. К обстоятельствам, подтверждающим умышленный характер деяния, могут относиться, в частности, обстоятельства, указывающие на то, что у лица фактически не имелось и не могло быть реальной возможности исполнить обязательство; сокрытие информации о наличии задолженностей и залогов имущества; распоряжение денежными средствами, полученными от стороны договора, в личных целях; использование при заключении договора фиктивных уставных документов, поддельных гарантийных писем и др.⁴

Таким образом, Верховный Суд РФ в качестве обстоятельств умысла квалифицирует недобросовестное поведение стороны договорного обязательства, выразившееся в злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) и в недостоверном заверении об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ).

Понимание Верховным Судом РФ предпринимательской деятельности основано на нормах ст. 2, 23, 48, 49 ГК РФ: преступления следует считать совершенными в сфере предпринимательской деятельности, если они совершены индивидуальным предпринимателем в связи с осуществлением им предпринимательской деятельности и (или) управлением принадлежащим ему имуществом, используемым в целях предпринимательской деятельности, а также членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением им полномочий по управлению организацией либо при осуществлении коммерческой организацией предпринимательской деятельности⁵.

В основу деления специальных составов мошенничества на виды положены определенные разновидности гражданско-правовых отношений (ст. 159.1–159.6 ГК РФ). Первоначально нарушение прав потерпевшего происходит в частноправовой сфере, где и причиняется имущественный вред, эти обстоятельства в дальнейшем дают возможность квалифицировать деяние по специальному составу мошенничества [3, с. 45].

² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. № 2 (2016) [Электронный ресурс] : утв. Президиумом Верхов. Суда РФ 6 июля 2016 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

⁴ О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 15 нояб. 2016 г. № 48 // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

Состав мошенничества в сфере кредитования (ст. 159.1 УК РФ) построен на особых гражданско-правовых отношениях между кредитором (банком) и заемщиком при представлении банку или иному кредитору заведомо ложных и (или) недостоверных сведений. Субъектный состав данного преступления сформулирован на основе гражданско-правовых категорий. Так, по справедливому толкованию Верховного Суда РФ заемщиком признается лицо, обратившееся к кредитору с намерением получить, получающее или получившее кредит в виде денежных средств от своего имени или от имени представляемого им на законных основаниях юридического лица. Кредитором в ст. 159.1 УК РФ может являться банк или иная кредитная организация, обладающая правом заключения кредитного договора (ст. 819 ГК РФ)⁶.

Обман при совершении мошенничества определяется Верховным Судом РФ, исходя из понимания недобросовестного поведения стороны договорного обязательства, выразившегося в злоупотреблении правом (ст. 10 ГК РФ) и в недостоверном заверении об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ). Так, обман заключается в представлении кредитору заведомо ложных или недостоверных сведений об обстоятельствах, наличие которых предусмотрено кредитором в качестве условия для предоставления кредита (например, сведения о месте работы, доходах, финансовом состоянии индивидуального предпринимателя или организации, наличии непогашенной кредиторской задолженности, об имуществе, являющемся предметом залога)⁷.

Мошенничество при получении выплат (ст. 159.2 УК РФ) основано на причинении вреда публично-правовому образованию посредством требования выплат при наличии оснований, влекущих прекращение указанных выплат [7, р. 241]. Согласно позиции Верховного Суда РФ, к социальным выплатам, в частности, относятся пособие по безработице, компенсации на питание, на оздоровление, субсидии для приобретения или строительства жилого помещения, на оплату жилого помещения и коммунальных услуг, средства материнского (семейного) капитала, а также предоставление лекарственных средств, технических средств реабилитации (протезов, инвалидных колясок и т. п.), специ-

⁶ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

⁷ Там же.

ального транспорта, путевок, продуктов питания. В то же время не относятся к социальным выплатам по смыслу ст. 159.2 УК РФ гранты, стипендии, предоставляемые физическим лицам и организациям в целях поддержки науки, образования, культуры и искусства, субсидии на поддержку сельскохозяйственных товаропроизводителей, на поддержку малого и среднего предпринимательства. Мошенничество при получении указанных выплат квалифицируется по ст. 159 УК РФ⁸.

Преступление, предусмотренное ст. 159.3 УК РФ («Мошенничество с использованием платежных карт»), совершается с помощью банковской карты как способа расчетов в гражданско-правовых отношениях⁹ посредством использования поддельной или принадлежащей другому лицу кредитной, расчетной или иной платежной карты путем обмана уполномоченного работника кредитной, торговой или иной организации. Согласно толкованию Верховного Суда РФ, способами хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество при мошенничестве, ответственность за которое наступает в соответствии со ст. 159.3 УК РФ, являются обман или злоупотребление доверием [8, с. 3], под воздействием которых владелец имущества или иное лицо передают имущество или право на него другому лицу либо не препятствуют изъятию этого имущества или приобретению права на него другим лицом¹⁰.

Квалифицированные составы данного преступления (ч. 2, 3 ст. 159.3 УК РФ) взаимосвязаны с гражданско-правовой категорией реального ущерба (ст. 15, 393 ГК РФ). Так, по мнению Верховного Суда РФ, акты мошенничества, совершенные с причинением значительного ущерба гражданину, могут быть квалифицированы как оконченные преступления по ч. 2 ст. 159.3 УК РФ соответственно только в случае реального причинения значительного имущественного ущер-

⁸ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

⁹ Об эмиссии платежных карт и об операциях, совершаемых с их использованием [Электронный ресурс] : положение ЦБ РФ от 24 дек. 2004 г. № 266-П // СПС «КонсультантПлюс».

¹⁰ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

ба, который, согласно п. 2 примечаний к ст. 158 УК РФ, не может составлять менее 5 тыс. р.¹¹

Гражданско-правовая сфера совершения преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ («Мошенничество в сфере страхования») [9, р. 483], закреплена в гл. 48 ГК РФ и в специальном законодательстве¹². Сам состав преступления сформулирован по модели ненадлежащего исполнения договора страхования: хищение чужого имущества путем обмана относительно наступления страхового случая, а равно размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом либо договором страхователю или иному лицу.

Как справедливо указывается в судебной практике, мошенничество в сфере страхования совершается путем обмана относительно наступления страхового случая (например, представление заведомо ложных сведений о наличии обстоятельств, подтверждающих наступление страхового случая, инсценировка дорожно-транспортного происшествия, несчастного случая, хищения застрахованного имущества) либо относительно размера страхового возмещения, подлежащего выплате (представление ложных сведений с завышенным расчетом размера ущерба по имевшему место в действительности страховому случаю). Субъектом преступления, предусмотренного ст. 159.5 УК РФ, может быть признано лицо, выполнившее объективную сторону данного преступления (например, страхователь, застрахованное лицо, иной выгодоприобретатель, вступившие в сговор с выгодоприобретателем представитель страховщика, эксперт)¹³.

Мошенничество в сфере компьютерной информации (ст. 159.6 УК РФ) [3, с. 46] связано с нарушением гражданских прав на интеллектуальную собственность (ч. 4 ГК РФ). В статье закреплён особый способ совершения преступления: путем ввода, удаления, блокирования, модификации компьютерной информации либо иного вмешательства в функционирование средств хранения, обработки или передачи ком-

пьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей.

На основании позиции Верховного Суда РФ вмешательством в функционирование средств хранения, обработки или передачи компьютерной информации или информационно-телекоммуникационных сетей признается целенаправленное воздействие программных и (или) программно-аппаратных средств на серверы, средства вычислительной техники (компьютеры), в том числе переносные (портативные) — ноутбуки, планшетные компьютеры, смартфоны, снабженные соответствующим программным обеспечением, или на информационно-телекоммуникационные сети, которое нарушает установленный процесс обработки, хранения, передачи компьютерной информации, что позволяет виновному или иному лицу незаконно завладеть чужим имуществом или приобрести право на него. Мошенничество в сфере компьютерной информации, совершенное посредством неправомерного доступа к компьютерной информации или посредством создания, использования и распространения вредоносных компьютерных программ, требует дополнительной квалификации по ст. 272, 273 или 274.1 УК РФ¹⁴.

Итак, применение гражданско-правовых категорий и критериев [10, с. 138] в общих и специальных составах таких преступлений, как кража (ст. 158 УК РФ) и мошенничество (ст. 159–159.6 УК РФ), выражается следующим образом. При формулировке составов данных преступлений используются понятия имущества [11, с. 15–28], включая имущественные права [12, с. 64], права гражданина на жилое помещение, договорного обязательства и предпринимательской деятельности [13, с. 96], злоупотребления правом (ст. 10 ГК РФ) [14, с. 41] и недостоверного заверения об обстоятельствах (ст. 431.2 ГК РФ), кредитных и страховых отношений, а также материальной и стоимостной критерии, взаимосвязанные с категориями имущественных отношений (ст. 2 ГК РФ), возмещения убытков (ст. 15, 393 ГК РФ), vindictae (ст. 301–303 ГК РФ) и встречного предоставления (ст. 423 ГК РФ). Не исключается применение данных категорий и критериев в преступлениях с трансграничным элементом [15, с. 31–45], а также при нарушении прав сторон в организационных отношениях [16, с. 68–

¹¹ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

¹² Об организации страхового дела в Российской Федерации : закон РФ от 27 нояб. 1992 г. № 4015-1 // Российская газета. 1993. 12 янв.

¹³ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

¹⁴ О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 30 нояб. 2017 г. № 48.

70], в частности при необоснованном требовании передачи встречного предоставления [17, с. 183–190] по организационному договору (например, по предварительному договору (ст. 429 ГК РФ), рамочному договору (ст. 429.1 ГК РФ)) с последующим его неисполнением со ссылкой на недействительность данного договора.

Использование гражданско-правовых категорий и критериев также необходимо для правильной квалификации преступных деяний по соответствующим составам преступлений, производства процессуальных действий, применения мер пресечения. Категории и критерии гражданского права играют важную роль на стадии решения вопроса о возбуждении уголовного дела, производства следственных действий, судебного разбирательства, а также применения к осужденному уголовного наказания.

Еще одним аспектом, выражающим взаимодействие гражданского и уголовного права, является применение виндикации и возмещения убытков для защиты прав лиц, потерпевших от совершения кражи и мошенничества.

Если рассматривать особенности виндикации при краже движимых вещей, то возмездное приобретение имущества добросовестным приобретателем у лица, которое похитило вещь у собственника, не исключает, как известно, возможности ее виндикации (п. 1 ст. 302 ГК РФ). Однако и в этом случае удовлетворение требования об истребовании вещи из чужого незаконного владения связано с неоднозначной позицией судов в силу спорных и нерешенных вопросов в доктрине по проблеме виндикации имущества. Так, истребование собственником вещи у ее похитителя с формально-юридической точки зрения не представляет особых сложностей. Главное в этом вопросе — соблюдение требований закона: субъектом права на виндикацию может выступать только титульный (а не фактический) владелец вещи; ответчиком по иску — незаконный владелец, обладающий ею на момент предъявления; объектом виндикации может быть только индивидуально определенная вещь.

Однако ситуация может осложниться, когда вещь находится у иного фактического владельца, который приобрел ее у третьего лица. Например, украденный смартфон обнаружен у лица, которое является последним приобретателем в цепочке ряда отчуждений украденной вещи, не подозревая о том, что смартфон был похищен недобросовестным отчуждателем и переходил от одного лица к другому посредством догово-

ров о передаче имущества в собственность (договоров купли-продажи, дарения, мены). Что делать в этом случае? Права какого лица — собственника или последнего приобретателя — заслуживают защиты в суде? Кому отдать предпочтение? Так, по мнению А. П. Сергеева, в этом случае должен срабатывать принцип «наименьшего зла» [18, с. 457–465]. Если вещь была у первоначального собственника помимо его воли (украдена), то в отличие от первоначального собственника украденной вещи последний ее приобретатель (при условии его добросовестности!) находится в лучшем положении, чем первоначальный собственник украденной вещи, поскольку он заключил договор с продавцом (предыдущим в цепочке отчуждений приобретателем вещи). Следовательно, у него есть возможность покрыть свои убытки за счет продавца, а у собственника такой возможности нет, поскольку вещь была у него украдена.

Как справедливо отмечает Е. А. Суханов, при ответе на этот вопрос следует иметь в виду, что истребование имущества собственником во всех без исключения случаях могло бы серьезно осложнить гражданский оборот, поскольку многие приобретатели оказались бы под угрозой лишения полученного ими имущества [19, с. 262]. Вместе с тем законные интересы собственника не могут быть сведены к наказанию вора за кражу по УК РФ без учета гражданско-правовой защиты его вещного права (права собственности на вещь). Поэтому при разрешении спора, связанного с кражей движимой вещи, следует различать два вида незаконного (беститульного, т. е. фактического) владения чужой вещью [20, с. 48–54], порождающих различные гражданско-правовые последствия (п. 1 ст. 302 ГК РФ).

При добросовестном владении фактический владелец чужой вещи не знает и не может знать о незаконности своего владения: первый приобретатель, получивший вещь от неуправомоченного отчуждателя, как правило, даже не догадывается, что приобрел ее у вора, а последний приобретатель в цепочке отчуждений не знает и не может знать, что если первая сделка, совершенная неуправомоченным отчуждателем (вором), недействительна, то лишаются законных оснований и все остальные, последующие сделки с украденной вещью. При этом, согласно п. 5 ст. 10 ГК РФ, действует презумпция добросовестности приобретателя. В данном случае речь идет о субъективной добросовест-

ности, т. е. не о добросовестности как морально-нравственной категории, которая служит критерием для оценки действий, поведения участников гражданских правоотношений (так понимается добросовестность в п. 3 ст. 1 ГК РФ), а о добросовестности в смысле незнания тех обстоятельств, которые препятствуют законному отчуждению вещи. В нашем случае речь идет о незнании прежде всего первым приобретателем смартфона того, что данная вещь была украдена у собственника. Таким образом, это незнание можно квалифицировать не как юридическую, а как фактическую ошибку приобретателя (при юридической ошибке речь изначально шла бы о недействительности сделки). Это означает, что принцип «наименьшего зла», свидетельствующий о балансе интересов собственника (титульного владельца) вещи и ее добросовестного, но незаконного (фактического) приобретателя, может сработать лишь при условии *отсутствия вины* приобретателя вещи в незнании того, что вещь приобретена у вора (недобросовестного отчуждателя вещи), что отчуждатель вещи не является ее собственником. Вот почему для квалификации покупателя в качестве добросовестного приобретателя важно определить, что он не только не знал и *не мог* знать (п. 1 ст. 302 ГК РФ), но и *не должен* был знать (п. 38 постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22¹⁵), т. е. не в состоянии был узнать о приобретении им краденной вещи у недобросовестного отчуждателя. А это означает, что добросовестным может считаться лишь тот приобретатель, который принял все необходимые и разумные меры для выяснения правомочий отчуждателя вещи (п. 38 указанного постановления).

В ситуации *недобросовестного владения* фактический владелец знает или по складывающимся обстоятельствам приобретения вещи должен был знать о незаконности своего владения (абзац 1 ст. 303 ГК РФ). Например, в нашем случае это похититель смартфона или его приобретатель с рук по заведомо низкой цене. При этом, как отмечал Б. Б. Черепяхин, «к знанию приравнивается незнание по грубой неосторож-

¹⁵ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума Высшего Арбитра. Суда РФ от 29 апр. 2010 г. № 22 : (ред. от 23 июня 2015 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

ности. Такое *виновное* незнание равносильно знанию. Добросовестный ротозей, простак, с точки зрения закона, рассматривается как недобросовестный приобретатель» [21, с. 178–179].

Как известно, у недобросовестного приобретателя вещь может быть виндигирована в любом случае, а у добросовестного приобретателя — только в двух случаях, предписанных законом. Во-первых, виндикация возможна в случае, если вещь была получена добросовестным приобретателем безвозмездно. При этом судебная практика относит к безвозмездному приобретению вещи не только случаи ее перехода по договору дарения или в порядке наследования, но и в ситуации, когда отчуждатель «не получил в полном объеме плату или иное встречное предоставление за передачу спорного имущества к тому моменту, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неправомерности отчуждения»¹⁶. Во-вторых, согласно правилам виндикации, в случае возмездного приобретения вещи добросовестным приобретателем важно знать характер, способ выбытия вещи у собственника — по воле последнего или помимо его воли (например, кража вещи). К выбытию имущества помимо воли собственника следует отнести и случаи мошенничества, приобретения вещи по подложным (фиктивным) документам.

Возникает ряд вопросов: как быть в случае безукоризненного поведения не только собственника вещи, но и ее добросовестного приобретателя, получившего ее от мошенника? Можно ли в этом случае виндигировать вещь? В пользу чьих интересов решить вопрос? Безусловно, в пользу собственника, дав ему возможность истребовать вещь из чужого незаконного владения, так как добросовестный приобретатель вещи, являясь незаконным (беститульным) владельцем вещи, в отличие от собственника сохраняет право на возмещение убытков, причиненных ему неуправомоченным отчуждателем вещи — недобросовестным контрагентом по договору.

В последнее время участились случаи мошенничества и различных афер в сфере оборота недвижимости. Занимая значительное место в структуре преступлений, мошенничество в на-

¹⁶ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума Высш. Арбитра. Суда РФ от 29 апр. 2010 г. № 22 : (ред. от 23 июня 2015 г.). Абзац 2 п. 37.

шей стране становится все более изощренным. Исследование преступлений в сфере недвижимости показывает, что для них характерны соучастие в мошеннических сделках с недвижимостью должностных лиц различных государственных органов и органов местного самоуправления; завладение жильем социально не защищенных слоев населения (пенсионеров, психически нездоровых лиц и т. п.) при пособничестве лиц, на которые возложены обязанности по их опеке, попечительству и лечению (работники домов престарелых, психоневрологических диспансеров, социальные работники и т. п.); незаконная риэлтерская деятельность физических и юридических лиц и пр. Многочисленные преступления в этой сфере отличаются быстрой приспособляемостью к новым экономическим условиям, маскировкой под заключение и осуществление законных сделок в сфере недвижимости, использованием современных технических средств для фальсификации правоустанавливающих документов, подделки доверенностей и т. п. В этих условиях особое внимание следует обратить на специфику виндикационной защиты права собственности на недвижимость и возмещения убытков потерпевших.

Суды в решении вопроса, связанного с мошенническим отчуждением недвижимости, занимают позицию, согласно которой запись в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН) о праве собственности отчуждателя не является бесспорным доказательством добросовестности приобретателя¹⁷. Если в результате мошеннических действий произошло завладение недвижимостью собственника и в реестре прав на недвижимость появились сведения о новом правообладателе, то предыдущий собственник не вправе предъявить виндикационный иск, поскольку использование последнего всегда опирается на наличие зарегистрированного юридического титула. Поэтому предыдущий правообладатель, считающий себя собственником недвижимости, но не записанный в этом качестве в реестре прав на недвижимость, должен посредством иска о признании права [22, с. 17–22] добиться изменения записи в ЕГРН, а потом виндцировать вещь. Это, как

известно, с процессуальной точки зрения можно сделать в рамках одного процесса, объединив два требования — иск о признании права и виндикационный иск.

Такой подход был воспринят и судебной практикой. Так, в соответствии с п. 58 постановления пленумов ВС РФ и ВАС РФ от 29 апреля 2010 г. № 10/22 лицо, считающее себя собственником находящегося в его владении недвижимого имущества, право на которое зарегистрировано за иным субъектом, вправе обратиться в суд с иском о признании права собственности, т. е. по сути, как отмечает Е. А. Суханов, с иском об оспаривании соответствующей записи в государственном реестре [19, с. 271]. При этом собственник не лишается права требовать возмещения убытков (ст. 15, 393 ГК РФ), причиненных ему мошенническими действиями.

В последнее время в сфере государственной регистрации нередко встречаются случаи мошенничества (использование фальшивых выписок из реестра, поддельных документов, искусственной ликвидации недвижимости путем фиктивного объединения или раздела земельных участков, жилых помещений в кадастровом учете и т. п.), грубейшие ошибки в ведении самого реестра (регистрация права собственности на одну недвижимость за разными лицами, регистрация права на недвижимую вещь, являющуюся движимой, и т. п.). В этом случае для защиты от неправомерных действий органа регистрации прав закон допускает требование о полном возмещении убытков, причиненных частным лицам в результате незаконных действий (или бездействия) Росреестра (Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии) или его должностных лиц (ст. 16 ГК РФ и ст. 66, 67 Федерального закона «О государственной регистрации недвижимости» от 13 июля 2015 г. № 218-ФЗ (ред. от 28 февр. 2018 г.)). Так, согласно п. 2 ст. 67 указанного Федерального закона, государственный регистратор прав обязан возместить убытки, причиненные органу регистрации прав своими незаконными действиями (бездействием), а в случае умышленного причинения вреда убытки возмещаются им в полном объеме.

Очевидно, что преступления в имущественной сфере, если речь идет о краже движимого имущества или завладении недвижимостью посредством мошеннических схем, со всей очевидностью свидетельствуют о взаимодействии различных по своей юридической природе от-

¹⁷ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : постановление Пленума Верхов. Суда РФ № 10, Пленума Высш. Арбитр. Суда РФ от 29 апр. 2010 г. № 22 : (ред. от 23 июня 2015 г.). Абзац 2 п. 38.

раслей права — гражданского и уголовного. Субъективные гражданские права, вещные права в том числе, на современном этапе как никогда нуждаются в установлении не только мер гражданско-правовой ответственности и защиты, но и мер уголовно-правовой охраны. Каждый собственник заинтересован в защите своего вещного права (права собственности) не только гражданско-правовыми средствами в случае посягательств на его имущество, но и действенными мерами уголовно-правовой ответственности. Это означает, что использование в уголовном праве таких основных понятий гражданского права, как «имущество», «недвижимость», «право на имущество», «собственность», «приобретение права собственности», «убытки», «ущерб» и др., диктует необходимость их однозначного толкования по содержанию и объему специалистами различных отраслей права (гражданское и уголовное право), поскольку различный смысл одних и тех же понятий в науке гражданского или уголовного права в конечном счете сказывается на качестве принимаемых судебных решений. Например, В. В. Хилюта, анализируя такое понятие, как «право на имущество», а также различные концепции понимания данного понятия и отражения его в судебно-следственной практике, приходит к выводу, что многовариантность предмета хищения позволяет ученым и судьям по-разному трактовать рассматриваемое понятие, что негативно сказывается на правоприменительной практике и науке уголовного права [23, с. 185–198]. Автор делает заключение, что право на имущество — это уголовно-правовая фикция, что оно не может рассматриваться как предмет хищения, а следовательно, указанную законодательную конструкцию необходимо вывести за пределы преступных посягательств на абсолютные права собственности. В частности, автор обращает внимание на нетождественность толкования используемого понятия (право на имущество) в составах о мошенничестве и вымогательстве, где одному и тому же термину придается различное уголовно-правовое значение: это право рассматривается либо как право собственности, либо как правомочия собственника, либо как ограниченные вещные права [23, с. 189–190]. По мнению автора, вольная трактовка рассматриваемого понятия может привести к выводу, что «хищение — это не завладение чужим имуществом, а причинение имущественного ущерба» [23, с. 194].

Возмещение убытков, как известно, является наиболее характерной формой гражданско-правовой ответственности, которая используется в случае нарушения субъективных гражданских прав, применяется как в договорных, так и во внедоговорных отношениях и предусмотрена ст. 12 ГК РФ. Под убытками в гражданском праве понимается *денежная оценка имущественного вреда как материального последствия правонарушения*, имеющего стоимостную форму. Реальный ущерб — это один из видов убытков наряду с упущенной выгодой. Исходя из п. 2 ст. 15 ГК РФ реальный ущерб — это расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права, а также утрата или повреждение имущества лица. Очевидно, что такое понимание реального ущерба как разновидности убытков в гражданском праве не стыкуется с трактовкой имущественного ущерба как хищения в уголовном праве.

На наш взгляд, взаимодействие гражданского и уголовного права на современном этапе должно рассматриваться как необходимое условие эффективного функционирования всей правоохранительной системы и, несмотря на различную природу указанных отраслей права, основываться на единстве подходов, целей и задач в едином механизме защиты субъективных прав физических и юридических лиц, пострадавших от кражи и мошенничества в имущественной сфере, поскольку при совершении преступлений данного вида права потерпевшего нарушаются в двух областях правового регулирования отношений — в гражданско-правовой и уголовно-правовой. Так, при производстве по различным составам преступлений для решения вопроса о возмещении ущерба, причиненного преступным деянием, возникает необходимость применения норм гражданского права, а следовательно, и единообразного толкования рассмотренных нами понятий, применяемых как в гражданском, так и в уголовном праве. Использование гражданско-правовых категорий и критериев также имеет важное значение для правильной квалификации деяний на каждой стадии материального и процессуального существования преступления (от фактического совершения преступного деяния до исполнения вынесенного судом приговора), производства процессуальных действий, применения мер пресечения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Buckland W. W. *Roman Law and Common Law* / W. W. Buckland, A. D. McNair. — New York : Cambridge Univ. Press, 1938. — 464 p.
2. Simpson A. W. B. *A History of the Common Law of Contract: The Rise of the Action of Assumpsit* / A. W. B. Simpson. — Oxford : Oxford Univ. Press, 1975. — 646 p.
3. Протасевич А. А. Криминологическая характеристика компьютерных преступлений / А. А. Протасевич, Л. П. Зверьянская // *Российский следователь*. — 2013. — № 11. — С. 45–47.
4. Hipp J. R. Violence in Urban Neighborhoods: A Longitudinal Study of Collective Efficacy and Violent Crime / J. R. Hipp, R. Wickes // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2017. — Vol. 33, iss. 4. — P. 783–808.
5. Brown E. K. Twenty-First Century Punitiveness: Social Sources of Punitive American Views Reconsidered / E. K. Brown, M. S. Kelly // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2017. — Vol. 33, iss. 4. — P. 935–959. — DOI: 10.1007/s10940-016-9319-4.
6. Vandeviver C. The (In)Stability of Residential Burglary Patterns on Street Segments: The Case of Antwerp, Belgium 2005–2016 / C. Vandeviver, W. Steenbeek // *Journal of Quantitative Criminology*. — 2017. — 27 Nov. — P. 1–23. — DOI: 10.1007/s10940-017-9371-8.
7. Valverde M. *The Punitive Society: Lectures At The Collège De France 1972–1973*. By Michel Foucault, Graham Burchell (transl.), Bernard Harcourt (ed.) (Palgrave Macmillan, 2015. 320 p.) / M. Valverde // *The British Journal of Criminology*. — 2017. — Vol. 57, iss. 1. — P. 238–246.
8. Маликова Н. ВС РФ о мошенничестве и растрате / Н. Маликова // *ЭЖ-Юрист*. — 2017. — № 49. — С. 3.
9. Stenström A. The Private Policing of Insurance Claims: Power, Profit and Private Justice / A. Stenström // *The British Journal of Criminology*. — 2018. — Vol. 58, iss. 2. — P. 478–496. — DOI: 10.1093/bjc/azx026.
10. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный) / под ред. О. Н. Садикова. — М. : Инфра-М, 1997. — 777 с.
11. *Гражданское право : учебник : в 2 т.* / под ред. Б. М. Гонгалло. — М. : Статут, 2016. — Т. 1. — 512 с.
12. Долотов Р. О. Уголовная ответственность акционеров / участников хозяйственных обществ за хищение имущества своих компаний / Р. О. Долотов // *Уголовное право*. — 2017. — № 1. — С. 60–66.
13. Мирончик А. С. Неисполнение договорных обязательств как признак мошенничества в сфере предпринимательской деятельности / А. С. Мирончик, А. А. Боровков // *Журнал российского права*. — 2017. — № 3 (243). — С. 92–100.
14. Ходырева Е. А. Правовая природа лишения права наследования / Е. А. Ходырева // *Нотариус*. — 2016. — № 7. — С. 38–42.
15. Александрова О. А. Уголовно-процессуальные и криминологические особенности возбуждения и расследования уголовных дел с участием иностранных граждан : дис. ... канд. юрид. наук. : 12.00.09 / О. А. Александрова. — М., 2001. — 201 с.
16. Подузова Е. Б. Обеспечение задатком организационного обязательства: проблемы и противоречия / Е. Б. Подузова // *Актуальные проблемы российского права*. — 2017. — № 7 (80). — С. 67–72.
17. Подузова Е. Б. Концепция встречного предоставления в англосаксонской правовой семье: правила и исключения / Е. Б. Подузова // *Актуальные проблемы российского права*. — 2016. — № 5 (66). — С. 183–190.
18. *Гражданское право : учебник : в 3 т.* / под ред. А. П. Сергеева, Ю. К. Толстого. — М. : Проспект, 2005. — Т. 1. — 765 с.
19. Суханов Е. А. *Вещное право: научно-познавательный очерк* / Е. А. Суханов. — М. : Статут, 2017. — 560 с.
20. Василевская Л. Ю. Владение и владельческая защита: проблемы теории и правоприменения / Л. Ю. Василевская // *Цивилист*. — 2011. — № 1. — С. 48–54.
21. Черепяхин Б. Б. *Труды по гражданскому праву* / Б. Б. Черепяхин. — М. : Статут, 2001. — 480 с.
22. Василевская Л. Ю. Иск о признании права: проблемы определения и толкования / Л. Ю. Василевская // *Судья*. — 2011. — № 6. — С. 17–22.
23. Хиллута В. В. Право на имущество как предмет хищения в доктрине уголовного права и судебной практике / В. В. Хиллута // *Правоведение*. — 2013. — № 2 (307). — С. 185–198.

REFERENCES

1. Buckland W. W., McNair A. D. *Roman Law and Common Law*. New York, Cambridge University Press, 1938. 464 p.
2. Simpson A. W. B. *A History of the Common Law of Contract: The Rise of the Action of Assumpsit*. Oxford, Oxford University Press, 1975. 646 p.
3. Protasevich A. A., Zveryanskaya L. P. Criminalistic description of cybercrimes. *Rossiiskii sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 11, pp. 45–47. (In Russian).
4. Hipp J. R., Wickes R. Violence in Urban Neighborhoods: A Longitudinal Study of Collective Efficacy and Violent Crime. *Journal of Quantitative Criminology*, 2017, vol. 33, iss. 4, pp. 783–808.
5. Brown E. K., Kelly M. S. Twenty-First Century Punitiveness: Social Sources of Punitive American Views Reconsidered. *Journal of Quantitative Criminology*, 2017, vol. 33, iss. 4, pp. 935–959. DOI: 10.1007/s10940-016-9319-4.
6. Vandeviver C., Steenbeek W. The (In)Stability of Residential Burglary Patterns on Street Segments: The Case of Antwerp, Belgium 2005–2016. *Journal of Quantitative Criminology*, 2017, November 27, pp. 1–23. DOI: 10.1007/s10940-017-9371-8.
7. Valverde M. *The Punitive Society: Lectures at the Collège De France 1972–1973*. By Michel Foucault, Graham Burchell (transl.), Bernard Harcourt (ed.) (Palgrave Macmillan, 2015. 320 p.). *The British Journal of Criminology*, 2017, vol. 57, iss. 1, pp. 238–246.
8. Malikova N. The Supreme Court of the Russian Federation on fraud and embezzlement. *EZh-Yurist = EJ-Jurist*, 2017, no. 49, pp 3. (In Russian).
9. Stenström A. The Private Policing of Insurance Claims: Power, Profit and Private Justice. *The British Journal of Criminology*, 2018, vol. 58, iss. 2, pp. 478–496. DOI: 10.1093/bjc/azx026.

10. Sadikov O. N. (ed.). *Kommentarii k Grazhdanskomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii chasti pervoi* [Comments to the First Part of the Civil Code of the Russian Federation]. Moscow, Infra-M Publ., 1997. 777 p.
11. Gongalo B. M. (ed.). *Grazhdanskoe pravo* [The Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2016. Vol. 1. 512 p.
12. Dolotov R. O. Criminal liability of shareholders / members of business societies for embezzling their companies' funds. *Ugolovnoe pravo = Criminal Law*, 2017, no. 1, pp. 60–66. (In Russian).
13. Mironchik A. S., Borovkov A. A. Nonfulfillment of Contract Obligations as a Sign of a Fraud in the Sphere of the Business Activity. *Zhurnal rossiyskogo prava = Russian Law Journal*, 2017, no. 3 (243), pp. 92–100. (In Russian).
14. Khodyreva E. A. Legal Nature of Succession Right Deprivation. *Notarius = Notary*, 2016, no. 7, pp. 38–42. (In Russian).
15. Aleksandrova O. A. *Ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie osobennosti vozbuzhdeniya i rassledovaniya ugovnykh del s uchastiem inostrannykh grazhdan. Kand Diss.* [Criminal procedure and criminalistic features of initiating and investigating criminal cases involving foreign citizens. Cand Diss.]. Moscow, 2001. 201 p.
16. Poduzova E. B. The Concept of Consideration in the Anglo-Saxon Legal Family: Rules and Exceptions. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2017, no. 7 (80), pp. 67–72. (In Russian).
17. Poduzova E. B. The Concept of Consideration in the Anglo-Saxon Legal Family: Rules and Exceptions. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava = Topical Problems of Russian Law*, 2016, no. 5 (66), pp. 183–190. (In Russian).
18. Sergeev A. P., Tolstoi Yu. K. (eds.). *Grazhdanskoe pravo* [The Civil Law]. Moscow, Prospekt Publ., 2005. Vol. 1. 765 p.
19. Sukhanov E. A. *Veshchnoe pravo: nauchno-poznavatel'nyi ocherk* [Proprietary right: a research and educational review]. Moscow, Statut Publ., 2017. 560 p.
20. Vasilevskaya L. Yu. Ownership and possessory protection: the problems of theory and law enforcement. *Tsivilist = Civil Lawyer*, 2011, no. 1, pp. 48–54. (In Russian).
21. Cherepakhin B. V. *Trudy po grazhdanskomu pravu* [Works on Civil Law]. Moscow, Statut Publ., 2001. 480 p.
22. Vasilevskaya L. Yu. Action for a declaration of rights: issues of definition and interpretation. *Sud'ya = Judge*, 2011, no. 6, pp. 17–22. (In Russian).
23. Khilyuta V. V. The right to property as an object of theft in the doctrine of criminal law and in judicial practice. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Education Institutions. Pravovedenie*, 2013, no. 2 (307), pp. 185–198. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Василевская Людмила Юрьевна — профессор кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), почетный работник высшего профессионального образования, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде РФ, член Экспертного совета по вопросам собственности при Комитете Государственной Думы по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству, доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: liudmila.vasilevskaya@gmail.com.

Подузова Екатерина Борисовна — доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина (МГЮА), кандидат юридических наук, г. Москва, Российская Федерация; e-mail: Ekaterinak7785@yandex.ru.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Василевская Л. Ю. Взаимодействие гражданского и уголовного права в сфере защиты прав потерпевшего по делам о краже и мошенничестве / Л. Ю. Василевская, Е. Б. Подузова // Всероссийский криминологический журнал. — 2018. — Т. 12, № 4. — С. 572–582. — DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).572-582.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Vasilevskaya, Liudmila Yu. — Professor, Chair of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Worker of Higher Professional Education, Member, Research and Consulting Council of the Supreme Court of the Russian Federation, Member, Expert Council on Ownership of the State Duma Committee on Economic Policy, Industry, Innovative Development and Entrepreneurship, Doctor of Law, Professor, Moscow, the Russian Federation; e-mail: liudmila.vasilevskaya@gmail.com.

Poduzova, Ekaterina B. — Ass. Professor, Chair of Civil Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Ph.D. in Law, Moscow, the Russian Federation; e-mail: Ekaterinak7785@yandex.ru.

FOR CITATION

Vasilevskaya L. Yu., Poduzova E. B. Interaction between civil law and criminal law in the protection of the rights of theft and fraud victims. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2018, vol. 12, no. 4, pp. 572–582. DOI: 10.17150/2500-4255.2018.12(4).572-582.